

На правах рукописи

Азаренков Антон Александрович

**Поэтика композиции «больших стихотворений»
Иосифа Бродского**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Смоленск – 2017

Работа выполнена на кафедре литературы и журналистики
ФБГОУ ВО «Смоленский государственный университет»

Научный руководитель: **Романова Ирина Викторовна,**
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Ранчин Андрей Михайлович,**
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории русской
литературы ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова»

Балашова Елена Анатольевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры литературы ФГБОУ
ВО «Калужский государственный уни-
верситет им. К.Э. Циолковского»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Иркутский
государственный университет»**

Защита состоится «___» ____ 2017 г. в 14.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.254.01 при ФБГОУ ВО «Смоленский
государственный университет» по адресу: 214000, Смоленск,
ул. Пржевальского, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФБГОУ ВО
«Смоленский государственный университет» по адресу: 214000,
Смоленск, ул. Пржевальского, д. 2 Б и на сайте ФБГОУ ВО «Смоленский
государственный университет» <http://www.smolgu.ru/nauka/disovet/>

Автореферат разослан «___» ____ 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Л.В. Павлова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Узнаваемым и характерным критерием поэтики И.А. Бродского является категория объема поэтического текста. Так или иначе это отмечается почти во всех обзорах творчества поэта, а рецепция читателями многих стихотворений Бродского может быть сведена к словам Кейса Верхейла: «Его стихи различны по длине, но как раз про стихи в три, четыре, пять страниц знаток тотчас же скажет: это Бродский»¹.

Тексты, о которых говорит Верхейл, в бродсковедении (вслед за самим автором²) принято называть «большими стихотворениями». Термин «большие стихотворения» выражает главные установки этой формы: объем как принцип поэтики и лирические по преимуществу средства организации композиции.

Бродский понимал увеличение стихотворного объема как качественно-градационный процесс: «Любое стихотворение спускается вниз в такой же степени, в какой в смысле духовном поднимается вверх»³ [Т. VI, с. 277]. Опираясь на данные подсчетов, опыт Я.А. Гордина по составлению первого корпуса «больших стихотворений»⁴ и поэтологические установки самого Бродского, в качестве нижней границы длины рассматриваемых в нашей работе текстов мы принимаем число от 48 строк.

В исследовательской литературе, касающейся «больших стихотворений» Бродского, можно выделить две тенденции. В русле первой из них подобные тексты рассматриваются как жанр (с точки зрения наследования признаков классических жанров или сознательной оппозиции традиции: Гордин (1993), Ахапкин (2000), Чевтаев (2010)); ученые, примыкающие ко второй, используют «большие стихотворения» преимущественно в качестве материала для изучения общей поэтики Бродского или предлагают отдельные образцы смысловой интерпретации этих текстов: Смит (2002), Глазунова (2007), Лекманов (2007) и др.

---

¹ Верхейл К. Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским: авторский сб. / К. Верхейл; пер. с нидерландского Ирины Михайловой. – СПб.: Журнал «Звезда», 2002. – С. 173.

² Сергеев А.Я. *Omnibus: Альбом для марок. Портреты. О Бродском. Рассказики* / А.Я. Сергеев. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. – С. 428. См. также Волков С.М. Диалоги с Иосифом Бродским / С.М. Волков. – М.: Независимая газета, 1998. – С. 35.

³ Здесь и далее эссе и стихи Бродского цитируются по изданию *Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского в 7 т. / И. Бродский*. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001-2003.

⁴ Бродский И. Холмы. Большие стихотворения и поэмы / И. Бродский; сост. Я. Гордин; послесл. С. Лурье. – СПб.: ЛП ВТПО «Киноцентр», 1991. – 360 с.

Актуальность нашей работы обусловлена отсутствием в бродсковедении полноценных исследований «больших стихотворений» как отдельного корпуса лирики Бродского; в трудах авторитетных ученых ставятся вопросы о жанровой природе «больших стихотворений», об особенностях их композиции и об их месте в теории и практике поэта, однако разработке этих проблем до сих пор уделено мало внимания.

Объект исследования – механизмы образования, функционирования и эволюции формы «больших стихотворений» в творчестве Бродского.

Предмет исследования – историко-литературный контекст «больших стихотворений»; теоретические представления и высказывания Бродского о поэтике «больших стихотворений»; инвариантные и вариативные мотивы, мотивная организация «больших стихотворений»; их ритмико-метрическая структура и ее связь с семантикой; особенности композиции и системы образов данных текстов.

Цель работы – выявление специфических структурных особенностей «больших стихотворений» (от минимальных мотивов-предикатов до сюжетных тем и их сочетаний), а также определение места данной формы в литературном наследии поэта.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- исследование поэтических установок Бродского, касающихся создания объемного поэтического текста;
- определение места подобных текстов в эстетике Бродского, рассмотрение продуктивных путей влияния традиции на форму «больших стихотворений»;
- анализ предикативной структуры «больших стихотворений» на протяжении всего творческого развития поэта;
- установка типологических особенностей мотивной поэтики «больших стихотворений»;
- нахождение критериев спецификации формы «больших стихотворений» в творчестве Бродского на основании не только их объема, но и внутренней организации, в том числе и ритмико-метрической.

Материалом исследования является корпус объемных поэтических произведений Бродского (всего 126 текстов), выделяемый нами в соотнесенности со всем русскоязычным поэтическим творчеством Бродского; анализ поэзологии автора производится нами на материале всех опубликованных на сегодняшний день эссе, лекций, публичных выступлений, критических заметок и большинства интервью.

Методологическая основа работы состоит в сочетании формального, структурного, типологического и описательного подходов.

Теоретической базой для исследования мотивики послужили работы Б.В. Томашевского, В.Б. Шкловского, Б.М. Гаспарова, А.К. Жолковского, И.В. Силантьева; композиции поэтического текста – В.М. Жирмунского, Б.М. Эйхенбаума, И.В. Романовой; вопросов литературной эволюции – Ю.Н. Тынянова; поэтологии – М.В. Тростникова, А.А. Новикова, И.И. Плехановой; ритмико-метрической организации стихотворения – М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой, А.М. Левашова, С.Е. Ляпина; системы образов – Н.В. Павлович, Л.В. Павловой.

Теоретическая значимость данной работы заключается в последовательном анализе такой важнейшей составляющей лирики Бродского, как «большие стихотворения», в нахождении условий выделения этих текстов в качестве самостоятельной формы в творчестве поэта, в обосновании значения этой формы в поэзии Бродского.

Практическая ценность исследования состоит в возможности применения основных положений данной работы при дальнейшем изучении большой поэтической формы в творчестве Бродского и предикативной системы его поэтического мира в целом. Разработанные в нашем исследовании механизмы анализа композиции «больших стихотворений» Бродского могут быть частично перенесены и на объемные бесфабульные тексты других авторов. Прояснение неявной структуры «больших стихотворений», наиболее репрезентативных и в то же время трудных для восприятия произведений Бродского, способствует более углубленному изучению творчества поэта в высших учебных заведениях и в средней школе.

Научная новизна диссертации заключается в предложенном подходе к изучению формообразования в лирике Бродского, совмещающем в себе анализ поэтологии и поэтики этого автора; кроме того, широта охваченного материала делает нашу работу первым систематическим исследованием «больших стихотворений» Бродского.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Форма «больших стихотворений» занимает центральное положение в поэтологии и поэтической практике Иосифа Бродского. Разрабатываемые в его литературной теории принципы композиции стихотворного текста («центробежность», «следующий шаг», уравновешенность «спонтанности языка» и «чистой мысли») наиболее последовательно реализуются в объемном бесфабульном стихотворении.

2. Некоторые особенности композиции «больших стихотворений» соотносятся с конструктивными принципами оды как ораторского жанра. В целом же «большие стихотворения» функционируют в творчестве Бродского как новаторская форма, полнее всего выражаяющая основные черты поэтики и мировоззрения автора, но не как особый жанр русской поэзии или деконструкция жанров, укорененных в традиции.

3. Мотивная структура «больших стихотворений» носит инвариантно-лейтмотивный характер. Каждый из нескольких инвариант-

ных для творчества Бродского мотивов реализуется в «большом стихотворении» целым веером своих семантических вариантов, повторяющих ведущую предикативную сему.

4. В самом общем виде семантика мотивных инвариантов сводится к предикатам движения как перемещения в пространстве, распада и письма. Взаимообусловленное развертывание этих инвариантов представляет собой устойчивую последовательность, инвариантный лирический сюжет: движение влечет за собой распад и наоборот, синтезом этих предикатов выступает важнейший инвариант письма. Этот сюжет соотносится с авторским мифом и отчасти – с поэтикой романтизма.

5. На базовом уровне все «большие стихотворения» обладают схожей предикативной организацией, эволюционирующей количественно (появление новых реализаций инварианта и мотивных сцеплений), но не качественно. Автоматизация некоторых мотивных связей обуславливает практически полный перенос мотивной структуры из текста в текст и установку на гипертекстуальное прочтение «больших стихотворений».

6. Вариация ритмико-метрического устройства «больших стихотворений» соотносится с закономерностями развития их лирического сюжета.

Апробация работы. Результаты исследования отражены в 14 публикациях, 4 из которых – в периодических научных изданиях, входящих в Перечень ВАК. По материалам диссертации сделано 14 докладов на конференциях разных уровней, в том числе и международных: Смоленск (2013, 2014, 2015, 2016), Москва (2013, 2016), Санкт-Петербург (2015), Екатеринбург (2013).

Структура и объем диссертации.

Работа состоит из вступления, трех глав, заключения, списка источников, списка литературы и пяти приложений.

В Заключении излагаются главные результаты исследования.

Основная часть диссертации изложена на 186 страницах. Список литературы включает 163 наименования. 16 страниц занимают приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обзор публикаций, посвященных анализу «больших стихотворений» И. Бродского в жанровом, формально-композиционном и поэтологическом аспектах; охарактеризованы основные труды по теории мотива; обосновывается актуальность темы исследования, ее теоретическая и практическая значимость; указывается объект и предмет исследования, определяются его цель и задачи; раскрывается научная новизна работы; формулируются положения, выносимые на защиту.

В Главе I «”Большие стихотворения” в поэтической системе Бродского» представлен анализ ключевых теоретических положений поэта применительно к категории длины поэтического текста и проблеме жанрового наследования.

1.1. Базовой структурной составляющей стихотворения в поэзии Бродского выступает строка, и количество строк в тексте качественно определяет его поэтику; поэт отмечал композиционные изменения в стихотворении, как только оно достигает объема в 8, 16, 40, 70–80 и 200 строк, т.е. прямо соотносил полноту смысла и объем поэтического высказывания.

Основополагающей для понимания природы «больших стихотворений» является сложная концепция «следующего шага», касающаяся как сферы истории литературы, так и вопросов построения поэтической композиции.

Во-первых, по Бродскому, сделать «следующий шаг» означает планомерно развивать, в том числе и с точки зрения формы, уроки прошлого, что резко контрастирует с идеей Я.А. Гордина о «выращивании жанра»⁵ «больших стихотворений» в творчестве Бродского. Объем поэтического текста Бродский связывает с его условной интертекстуальной «вместимостью»: чем богаче предшествующая традиция, тем «требуется больше времени, чтобы запустить стихотворение. <...> Практика такого рода приводит к <...> длиннотам» [Т. VI, с. 185–186].

Во втором случае идея «следующего шага» опирается на композиционный принцип «центробежности», поступательного семантического расширения и вывода системы образов на новый уровень обобщения, высшим из которых является Слово (сверхкультурное состояние языка, связываемое с традицией). Композицию «центробежного» стихотворения можно схематически представить в виде поднимающейся расширяющейся спирали, цикличность которой обуславливает важность для Бродского идеи повтора (противостоящего тавтологии), прежде всего строфической регулярности («струфа есть самовоспроизводящееся устройство» [Т. V, с. 231]). Написание каждой строфы требует «следующего шага», всестороннего рассмотрения образа, что, в свою очередь, сказывается на объеме стихотворения.

Такая поэтика соотносится с традицией английской метафизической поэзии, в частности с приемом «кончетти», композиционно обусловленным развертыванием сложной метафоры.

Стихотворный объем, по Бродскому, это площадка для разгона языка, на которой авторское (и читательское) сознание может набрать нужное «ускорение», чтобы вырваться в метафизические пре-

---

⁵ Гордин Я.А. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского / Я. Гордин. – 2-е изд., испр. – М.: Время, 2010. – С. 228.

дели. Объем для Бродского становится не только важной характеристикой поэтического текста, но и принципом поэтики.

Бродский представлял себе поэтическую композицию как трехчастное образование. Стихотворение начинается со «свободной экспозиции», призванной ввести читателя в систему образов и проблематику стихотворения и подготовить «эвфонический взрыв» («повышение тона», следующее за набором стихотворением «критической массы»), место в стихотворении, где автор высказывается наиболее ясно и непосредственно; затем следует «чистый лиризм, не связанный тематическим развитием», или «размытие фокуса»). Эта структура может быть многократно – фрактально – воспроизведена в «центробежном» стихотворении.

Представления Бродского-теоретика о природе композиции поэтического текста часто находят метафорическое воплощение в интерпретации поэтом музыки и литературы, а также в конструировании Бродским собственной метафизической топографии, в которой большая роль отводится образам Моря и Космоса и направлению движения к ним: «в сторону» и «вверх». Таким образом, модель ориентации художественного пространства авторефлексивно переносится на композиционные механизмы.

1.2. Стремление к уравновешенности ассоциативных («музыкальных») возможностей языка и силлогического («архитектурного») развития мысли, установка на объем и строфическое мышление, презентация Бродским своей поэзии как «искусства красноречия» рождает поэтику «больших стихотворений» с жанровыми конвенциями т.н. «бессмысленной» оды, понимаемой (вслед за Тыняновым) как ораторский жанр. Особенно стоит отметить соотнесенность идеи Бродского о языковых «взрывах» и «слабых строках», подготавливающих появление «более важных мест», и одицкой композиционной практики «пороков», или «отдыхов», чередовании всплесков красноречия («откровений») и нейтральных фрагментов.

Можно констатировать лишь частичное перенесение отдельного конструктивного одицкого принципа на поэтику «больших стихотворений»; речь идет о сознательном синтезе со стороны Бродского элементов архаичных поэтик, их канонически-еволюционистской переработке, «следующем шаге».

1.3. Помимо поэзии русского классицизма и английской метафизической школы, на поэтику композиции «больших стихотворений» оказывали влияние некоторые тексты Баратынского и Лермонтова, поздние объемные произведения Пушкина, поэзия русского модернизма (Мандельштам, Цветаева), в период норенской ссылки – современная американская поэзия. Однако усилия Бродского по созданию в своем творчестве формы «больших стихотворений» современниками справедливо воспринимались как однозначно новаторские.

В раннем творчестве Бродского можно наблюдать своеобразное соседство двух способов организации большого поэтического текста: «поэмного» (основное влияние Пушкина) и «лирического» (основное влияние Державина и Баратынского). Первый предполагает наличие фабулы, системы персонажей, установку на диалогическую организацию речи и драматургические эффекты; эта условная линия был начата с первых опытов по созданию «поэм» 1961 года и в основном завершена к концу 60-х годов (отказ Бродского от атрибуции своих объемных текстов в качестве «поэм»); некоторый возврат к этой тенденции намечен в позднейших «больших стихотворениях» (90-е годы). Другая, гораздо более богатая традиция предполагает актуализацию лирических средств организации композиции. Это проявляется уже в первых «поэмах» Бродского, фабула которых ослаблена, а на первый план выдвигаются суггестивные приемы мотивно-тематического повтора. Поэтому и «поэмы», и ранние «большие стихотворения» Бродского находятся в едином «автоинтертекстуальном» поле, то есть реализуют общий «инвариантный код смыслопорождения»⁶: черпая из разных источников, они обогащают поэтику друг друга, приводя к синтезированию особого формата объемного поэтического текста.

Исследование мотивной организации «больших стихотворений», выявление ее типологических и структурных особенностей на всех этапах творческой эволюции Бродского было предпринято в Главе II «Композиция “больших стихотворений” Бродского: принцип лейтмотивного развертывания инварианта».

Из диахронического (2.1: 1962–1971; 2.2: 1970–1980-е; 2.3: 1990–1995) и сравнительного анализа корпуса «больших стихотворений» Иосифа Бродского можно сделать два общих вывода. Во-первых, мотивная структура «больших стихотворений» организована лейтмотивным вариативным развитием нескольких инвариантных мотивов. Во-вторых, семантика этих мотивных инвариантов в наиболее абстрагированном виде сводится к предикатам 1) *движения как перемещения*, 2) *распада*, 3) *письма*.

Выделяемые нами три основных инварианта (мотивные категории) реализуются целой россыпью вариантов, объединяемых общей семой.

Инвариант *движения-перемещения* в «больших стихотворениях» Бродского чаще всего представлен посредством лейтмотивной вариации следующих предикатов.

1. Физическое перемещение в пространстве – движение во внутреннем пространстве помещения и внешнем пространстве улицы или пей-

---

⁶ Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке / Н.А. Фатеева; предисл. И.П. Смирнова. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 18.

зажа, в том числе и путешествие лирического субъекта по миру в качестве «туриста».

2. Перемещение по «жизненному пути» – мотив, выделяемый нами ввиду характерного для Бродского метафорического комплекса «жизнь-пространство», где судьба лирического субъекта и Время в целом представлены в понятиях длины, скорости, «перспективы» и «тупика» («Жизнь моя затянулась. <...> Точных примет с лихвой хватило бы на вторую / жизнь. Из одних примет можно составить... пейзаж», «Эклога 4-я (зимняя)», 1980).

3. Изгнание – предикативная характеристика лирического субъекта, репрезентирующего себя в качестве поэта («За каковое реченье-жречество <...> чаши лишившись в пику Отечества, / ныне стою в незнакомой местности», «1972 год», 1972).

4. Уход – комплексный мотив, представленный в разных вариантах: от покидания города субъектом-«туристом» до смерти, трактуемой в значении удаления; сюда же следует отнести такой семантический «спутник» мотива ухода, как разлука («...посуху двину туда, куда ты // первой ушла, в ту страну, где все мы / души всего лишь», «Памяти Т.Б.», 1968).

5. «Движение души» – перемещение двойника лирического субъекта, носителя поэтической идентичности, в метафизическом пространстве; в большинстве случаев это движение имеет вертикальную направленность, тогда мы говорим о мотиве поэтического восхождения, часто выступающем предикативной характеристикой образов разнородных возвышенностей, неба, полюса или Космоса («И образ мой второй, как человек, / бежит от красноватых век, / подскакивает на волне...», «Новые стансы к Августе», 1964).

6. Переход границы – нарушение как пространственных (в том числе и политических), так и метафизических преград. Характерный локус многих «больших стихотворений» Бродского – рубеж между Временем и Вечностью, носящий пространственное значение «острия» или берега Моря. В этом случае мотив перехода границы выступает естественным следствием «движения души» («И вот, с соленым / вкусом этой воды во рту / я пересек черту», «Местность, где я нахожусь, есть пик / как бы горы. <...> Мыс, вдающийся в море», «Колыбельная Трескового мыса», 1975).

7. «Следующий шаг» – долго мотивируемое в процессе развития стихотворения побуждение лирическим субъектом самого себя к возобновлению прерванного движения. Как правило, мотив «следующего шага» разворачивается в метафизическом пространстве и соотносится с семантикой «движения души». Обе номинации мотивов мы заимствуем из поэзологии Бродского («...вам, подтянув кушак, / приятно, подстав ей, / этой свободе, грудь / сделать к ней лишний шаг», финал стихотворения «Тритон», 1994, где под «свободой» подразумевается море, смерть (вечность) и поэтическая речь).

8. «Движение» как (мета)физическая категория, активность как свойство предметов вообще (тематизация мотива) («Помни: / любое движенье, по сути, есть / перенесение тяжести тела в другое место», «Сан-Пьетро», 1977).

Логика мотивного развития в «больших стихотворениях» предусматривает *инвертирование инварианта движения* в следующих случаях.

1. Изначальная неподвижность в пространстве (ср. пятикратное «я сижу на стуле» в «Речи о пролитом молоке», 1967).

2. Остановка движения («Остановившись в пустыне, складывай из камней / стрелу, чтоб, внезапно проснувшись, тотчас узнать по ней, / в каком направлении двигаться», «Назидание», 1987).

3. Возвращение (мотивным «спутником» часто выступает встреча) («Вот я вновь посетил / эту местность любви, полуостров заводов...», «От окраины к центру», 1962).

4. «Овеществление» – превращение тела лирического субъекта в вещь, в подчеркнуто неподвижную статую (вариация мотива – одленение) («...я застываю, встречая взгляд / камеры Лейц или глаз Горгоны», «Письмо генералу Z», 1968).

5. Отказ от поэтического восхождения – движение вниз, падение, придавленность к земле и проч. («Будь помоложе ты, я б взор направил / туда, где этого [небытия – А.А.] в избытке. Ты же / стара и ближе», «Муха», 1985).

6. «Статика» как (мета)физическая категория (тематизация мотива) («Всякий распад начинается с воли, / минимум коей – основа статики», «1972 год»).

Перечисленные выше вариации инварианта движение/статика выделяются нами с некоторой долей условности, так как в пределах «большого стихотворения», подчас реализующего их все, всегда возникают каузальные сцепки мотивов, контекстуальное насыщение их семантикой друг друга. Так, изгнание и переход границы обуславливают скитание по миру субъекта-«туриста» и неизбежность всех новых уходов и разлук; возвращение чаще всего совершается посредством «движения души» и точки зрения «сверху», обретаемой в результате поэтического восхождения (перехода границы уже в метафизическом смысле: «Полагаю, и вправду / хорошо, что мы врозь, / чтобы взгляд астронавту / напрягать не пришлось», «Строфы», 1978).

Вследствие этого в «больших стихотворениях» происходит процесс раздвоения художественного пространства на эмпирически данное пространство и метафизическое Пространство-Время, в котором разворачивается «жизненный путь» лирического субъекта.

Часта в мотивике «больших стихотворений» причинно-следственная обусловленность и антонимичных мотивных пар. Так, неподвижность в пространстве лирического субъекта (как правило, сидящего за

письменным столом или спящего) является необходимым условием «движения души».

Другой магистральный для структуры «больших стихотворений» Бродского инвариант – *распад* – выражается в следующих предикатах.

1. Распад целостности внешнего облика лирического субъекта – насильтвенная телесная деформация («Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топора», «Конец прекрасной эпохи», 1969); физический ущерб, связанный с мотивно-тематическими комплексами «болезнь» и «старение» («Заглянем в лицо трагедии. Увидим ее морщины, / ее горбоносый профиль, подбородок мужчины», «Портрет трагедии», 1991); метонимическое разложение лирического субъекта на объекты-вещи («Кожа спины благодарна коже / кресла за чувство прохлады...», «Колыбельная Трескового мыса», 1975) и, как следствие, его растворение, метаморфоза («Тело, застыл, продлевает стул. / Выглядит как кентавр...», «Полдень в комнате», 1978).

2. Сущностное отчуждение лирического субъекта от самого себя – расщепление его идентичности на «телесно-профанную» («тело», «человек в плаще», «мужчина») и «поэтическую» («тень», «отражение», «призрак», «душа», «авиатор», «астронавт», различного рода птицы) составляющие, реализация стратегии «двойничества». В ранних стихах предикативным «спутником» этого процесса выступает мотив отражения. Развитие этого мотива со временем обусловило принцип дейндиндиализации, всегда проявляющийся в «больших стихотворениях», когда отчуждение от самого себя изначально закладывается в структуру лирического субъекта посредством эллиптического сокращения вариативной мотивной цепочки: «описание физического ущерба» – «отражение» – «отчуждение поэтического “другого”» – «точка зрения “другого” и действия “другого”».

3. Деление жизни «на два» – частый мотив после 1972 года, знаменующий распад судьбы лирического субъекта на две половины: жизнь до и после изгнания и/или жизнь земная и жизнь посмертная, осуществляемая посредством культуры. Эти две модели бытия часто метафорически определяют друг друга («...смерть – это всегда вторая / Флоренция с архитектурой рая», «Декабрь во Флоренции», 1976).

4. Констатации единичности бытия лирического «я» – репрезентация лирическим субъектом собственной судьбы как «частного» существования, связанного не только с провозглашением собственной политической и гражданской свободы, но и с разрушением личных и социальных связей (стихотворение как «ария меньшинства, / петая сумме тел, / в просторечье – толпе...», «Сидя в тени», 1983).

5. Утверждение феноменальной множественности, дискретности окружающей реальности – предикативная характеристика, сопровождающая приемы перечисления и усиление грамматического значения мно-

жественного числа, в пределах текста противостоящая единичности лирического субъекта (ведущий мотив в «Эклоге 5-й (летней)»).

6. Разложение объектов художественной картины мира (сюда примыкают мотивы недостачи и потери в значении отсоединения части от целого, распада единства) («Вещь можно грохнуть, сжечь, / распорошить, сломать. / Бросить», «Натюрморт», 1971).

7. «Распад» как (мета)физическая абстракция (тематизация мотива) («Сумма двух распадов, с двух / жизней сдача – я и ты...», «В горах», 1984).

Инвариант распада инвертируется в мотивах восстановления целостности вещей, собирания осколков, обретения, встречи; касательно образа лирического субъекта с этой точки зрения актуализируется мотив «овеществления», выступающий как форма защиты «я» от разрушительного воздействия Времени, превращение в «голую вещь», не подверженную дальнейшему разложению и смерти.

В пределах «большого стихотворения» значения нескольких мотивных вариантов групп «движение» и «распад» развиваются сразу в двух лейтмотивных плоскостях. Удвоение художественного пространства также связано с мотивами распада, прежде всего, с «двойничеством» лирического субъекта.

В процессе развития лирического сюжета между лейтмотивами движения и распада возникают двунаправленные «тезисно-антитезисные» отношения, синтезом которых выступает важнейший для «больших стихотворений» инвариант письма, выражющийся в следующих случаях.

1. Собственно формула письма и предикативные характеристики соответствующих образов («пишу», «шорох пера по бумаге», «строки», «клинышки букв» и др.).

2. Метонимические субSTITУты письма, в целом восходящие к традиции представления поэтического творчества как речевого акта («пою», «речь», «этн слова» и др.).

3. «Филологические метафоры» – характерные для Бродского тропы, в структуру которых входит само звучание/начертание слова или буквы («О неизбежность “ы” в правописаны “жизни”»), а также апеллирующие напрямую к составу данного стихотворения («Генерал! Я взял вас для рифмы к слову / “умирал” ...»). Реализация подобных метафор также актуализирует мотив письма.

Мотивный инвариант поэтического письма в художественном мире «больших стихотворений» Бродского носит *авторефлексивный характер*. Прежде всего это выражается в том, что данный мотив приводит к усложнению образа самого лирического субъекта «больших стихотворений»: субъект представляет себя как поэта, занятого написанием данного стихотворения. В структуре лирической ситуации «больших стихотворений» всегда присутствует стратегия переживания субъектом фактов

собственной биографии, явлений окружающего мира и метафизических категорий через письмо. Так, говоря, например: «Плачу. Вернее, пишу, что слезы / льются», субъект-поэт дистанцируется от ранее описанных в тексте трагических событий, обнаруживая их истинную природу – текст и его законы. Отстранение лирического субъекта от «реального» мира и представление его как «пространства текста» парадигматически соотносятся с мотивами отчуждения поэтического двойника и тенденцией к усложнению художественного пространства «больших стихотворений».

В этой связи мы также говорим о *рефлексии лирического сознания относительно поэтической формы* – риторической условности, присущей многим «большим стихотворениям», обращающей внимание читателя на объем текста. Это могут быть метафоры, в которых основанием сопоставления выступает сам протянувшийся по странице стихотворный «столбик» (например, «башня слов» из «Разговора с небожителем»), но чаще это прямые высказывания, указывающие на длину текста («эта речь длинновата», «эта песнь без конца», «длинноты эти», «длинноты, // затасканных сравнений лоск»; более опосредовано: «терзаю Музу», «схоластика» и т.п.).

В «больших стихотворениях» предикаты письма завершают развитие других инвариантов. Так, распад самого субъекта обусловлен творчеством, однако только посредством письма преодолевается пространственный и временной разрыв с адресатом; в даруемом поззией бессмертии превозмогаются разрушительное воздействие Времени и собственная немощь; раздробленность окружающего мира структурируется в сверхрегулярной форме «больших стихотворений», становящейся объектом рефлексии субъекта-поэта (по замечанию Ю.М. Лотмана, у Бродского «опустошение вселенной компенсируется заполнением бумаги»⁷). Мотивы «движения души» и «следующего шага» переходят в мотив «перемещения пера по бумаге».

Лейтмотивная реализации инвариантов определяет обобщенный лирический сюжет «большого стихотворения»: бесцельное скитание как следствие царящего в мире разлада, проявляющегося и в «двойничестве» самого субъекта; «гармонизации мира», восстановлению личных связей (прежде всего с возлюбленной М.Б.) служит написание «большого стихотворения».

Лейтмотивный принцип развертывания инварианта для композиции «больших стихотворений» становится конструктивным и реализуется на всех уровнях системы образов.

Такая стратегия ведет к образованию в стихотворении сетки переплетающихся лейтмотивов; чем длиннее стихотворение, тем большее

⁷ Лотман Ю.М. Между венцом и пустотой / Ю.М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – С. 745.

число внутренних (вариантных) и внешних (межмотивных) связей обнаруживает константный для творчества Бродского инвариант. Также именно в «больших стихотворениях» частотность появления вариантов мотива письма и тематического комплекса «Язык» стремится к абсолютным показателям. Объем текста в поэтике Бродского выступает, скорее, не жанровым, но композиционно-семантическим показателем.

Сформировавшись к 1962 году, лейтмотивный принцип развертывания и смыслового пересечения трех основных мотивных инвариантов не претерпел коренных изменений в процессе развития формы «больших стихотворений». Эволюция выражается в постепенном расширении семантических возможностей инвариантных мотивов, в всеющем наполнении их новыми вариантами и способами их сочетания. С точки зрения мотивной структуры, «большие стихотворения» Бродского образуют единую гипертекстуальную сеть в большей или меньшей степени схожих друг с другом произведений, мотивика которых реплицируется, а сдвиги обнаруживаются только на уровне композиционной «мотивировки».

Разрабатываемая в «больших стихотворениях» Бродского мотивная система, на наш взгляд, во многом восходит к культурно-литературному контексту, прежде всего к эстетике романтизма. В центре этого культурного кода, помимо прочего, находятся мотивы двойничества и скитания; переживание лирическим субъектом изгнанничества как глубинного внутреннего разрыва, раздвоения; рефлексивное отчуждение субъекта от собственного «я» и от окружающего мира в акте иронии; осмысление поэтического творчества как средства «в деле всеобщего восстановления». Бродский в своем творчестве активно развивает и дополняет эти общеромантические клише, и в «больших стихотворениях» данный процесс протекает наиболее последовательно.

В Главе III «Ритмико-композиционное единство «больших стихотворений»» были рассмотрены механизмы взаимовлияния ритмико-метрической структуры «больших стихотворений» и закономерности развертывания их композиции.

3.1. Категория поэтического ритма актуализирована в поэто-логии Бродского. За ритмом признается матричная, формопорождающая функция. Это неотъемлемый структурный элемент «центробежного», регулярного стихотворения.

Ритм, по Бродскому, это всегда «психологически» нагруженная структура, то есть соотносящаяся с характеристиками лирического сознания и лирическим сюжетом стихотворения. Ритм, метр и размер семантизируются, кроме того, с их вариацией связываются композиционные и архитектонические изменения в тексте. Объем стихотворения и деление его на части зависят от умножения и смены изоморфных ритмических блоков.

Главной качественной характеристикой поэтического метра провозглашается «монотонность», т.е. подспудная подвижность метрического рисунка, преодолевающего стихотворный синтаксис. «Монотонность» противостоит «инерции просодии» по принципу усиления собственной семантики метра и возможности слома автоматизма читательского восприятия. «Большие стихотворения» признаются формой, наиболее полно раскрывающей смыслопорождающие (смыслоакцентирующие) возможности метрической «монотонности».

3.2. В качестве примера можно предложить ритмико-композиционный анализ «большого стихотворения» «Назидание» (1987). Сначала была составлена ритмическая схема данного текста; подсчитывалось количество ударных и безударных слогов до и после цезуры, общее количество слогов в разных половинах стиха; затем суммировались значения для всей строки в целом. Это позволило получить средние показатели по каждой строфе. Учитывались средняя длина и средняя ударность стиха, то же самое – для каждой из его частей (предцезурных и постцезурных). Полученные данные легли в основу графиков, пики которых образуют повторяющийся рисунок, или макроритм, соотносящийся с композиционными изменениями в тексте. В процессе данного анализа также было выяснено, что строфа «большого стихотворения» Бродского является не только формальной, смысловой и фонетической целостностью, но и вероятностно регулярным ритмическим и мини-композиционным единством.

3.3. Далее была проведена работа с метрической организацией стихотворения. Мы выявили типологические метрические модели, которые выделялись нами как самый объемный метрический отрезок, регулярно повторяющийся в наибольшем количестве стихов, а также все их варианты (с учетом иктов, анакруз и клаузул) с подсчетом частотности каждого из них до и после цезуры. Был сделан вывод, что в создании метрической «монотонности» участвует ограниченное число типологических метрических моделей, подразумевающих довольно широкое поле вариативности. Их различные сочетания, а также отказ от наиболее частотных метрических вариантов характеризуют семантически маркованные места стихотворения.

Таким образом, вариация ритмико-метрической структуры стихотворения находится в тесной связи с динамикой системы образов: «большие стихотворения» выступают как семантически целостное образование, ритмико-композиционное единство.

В *Заключении* диссертации обобщаются полученные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

Статьи в изданиях, рекомендуемых ВАК:

1. Азаренков А.А. «Красноречие» как конструктивный принцип поэтики «больших стихотворений» Иосифа Бродского / А.А. Азаренков // Вестник Удмуртского государственного университета. История и филология. – 2015. – № 6(25). – С. 78–82.
2. Азаренков А.А. Ритмико-композиционное единство «больших стихотворений» Бродского: алгоритм анализа (на примере стихотворения «Назидание»). Статья первая / А.А. Азаренков // Известия Смоленского государственного университета. – 2016. – № 1(33). – С. 45–51.
3. Азаренков А.А. Мотивная структура «больших стихотворений» И. Бродского / А.А. Азаренков // Известия Смоленского государственного университета. – 2016. – № 4(36). – С. 57–64.
4. Азаренков А.А. Композиция «больших стихотворений» Иосифа Бродского: принцип лейтмотивности / А.А. Азаренков // Вестник Новосибирского государственного университета. История и филология. – 2016. – № 9(15). – С. 208–214.

Статьи в других изданиях:

5. Азаренков А.А. Семантическая и композиционная структура «большого стихотворения» И.А. Бродского «Моллюск» / А.А. Азаренков // Смоленский филологический сборник: труды молодых ученых. Вып. V. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – С. 74–84.
6. Азаренков А.А. Образная система «больших стихотворений» И.А. Бродского: способы возможных классификаций / А.А. Азаренков // Сборник материалов областного конкурса студенческих научных работ 2013 года. – Смоленск: ОГБОУ СПО СПЭК, 2013. – С. 3–7.
7. Азаренков А.А. Поэтические критерии И.А. Бродского и его «большие стихотворения» / А.А. Азаренков // Авраамиевские чтения: сборник научных статей. Вып. X. – Смоленск: Радиопа, 2013. – С. 88–94.
8. Азаренков А.А. Дениндивидуализация лирического сознания в «больших стихотворениях» И.А. Бродского / А.А. Азаренков // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых (8 февраля 2013г.): в 2 ч; Уральский федеральный университет. – Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 128–135.
9. Азаренков А.А. Статические и динамические отношения в системе образов «больших стихотворений» И.А. Бродского («Колыбельная Трекового Мыса») / А.А. Азаренков // Молодежь в современном мире: гражданский, творческий и инновационный потенциал: материалы

IV всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2013. – С. 221–230.

10. Азаренков А.А. Особенности образной системы «больших стихотворений» И.А. Бродского (на примере стихотворения «Натюрморт») / А.А. Азаренков // Международный научно-исследовательский журнал: сборник по результатам XII заочной научной конференции Research Journal of International Studies. – Екатеринбург: Литера, 2013. – № 2(9). – С. 79–81.

11. Азаренков А.А. «В абстракциях прокладывая путь...»: некоторые особенности поэтики И.А. Бродского на примере системы образов «больших стихотворений» / А.А. Азаренков // Ломоносов – 2013: материалы международного молодежного форума. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013. (Электронное издание, ISBN: 978-5-317-04429-9).

12. Азаренков А.А. Образная система «Колыбельной Трескового Мыса» в контексте «больших стихотворений» И.А. Бродского / А.А. Азаренков // Студенческая наука – 2013. Т. II: Гуманитарное направление. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – С. 47–52.

13. Азаренков А.А. Система образов «больших стихотворений» И.А. Бродского: статика и динамика (на примере «Колыбельной Трескового Мыса») / А.А. Азаренков // Смоленский филологический сборник. Труды молодых ученых. Вып. VI – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2014. – С. 110–116.

14. Азаренков А.А. Семиотика кино в лирике И. Бродского / А.А. Азаренков // Смоленский филологический сборник. Труды молодых ученых. Вып. VII. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. – С. 91–101.